

на—Грозного. Как зритель, он был зачарован трагической красотой образа, создаваемого Шаляпиным: его Грозный был не только исторически-правдив, но и прекрасен в своем суровом трагизме. Как актер, Пров Михайлович был до глубины души захвачен вопросом: как же и чем именно достигается это полнейшее слияние исторической правды с великолепной красотой? Он проводил часы за кулисами Большого театра, наблюдая все преобразование певца Федора Ивановича Шаляпина в царя Ивана Васильевича Грозного, и старался запомнить малейшие детали грима, сохранить в памяти каждый нюанс в подаче текста роли. Пользуясь шаляпинским выражением, Пров Михайлович говорил: «Я ловил у него каждую интонацию вдоха, а не только слова».

Когда М. Ф. Ленину, в 1937 году, пришлось выступить в Малом театре в роли Бориса Годунова в трагедии Пушкина, он на вопрос, кто режиссер спектакля, отвечал: «Спектакля — К. П. Хохлов, роли Бориса — Ф. И. Шаляпин; и никто другой здесь режиссером быть не может».

О. О. Садовская высоко ценила искусство Шаляпина и говорила про спектакли с его участием: «Это — школа для драматических актеров». А когда ей возражали, что для их подготовки имеется театральное училище, она отвечала: «В училище — учеба, а там — ученье».

Сам Шаляпин говорил о себе: «Никакая работа не может быть плодотворной, если в ее основе не лежит какой-нибудь идеальный принцип. В основу моей работы над собой я положил борьбу с пустым блеском, заменяющим внутреннюю яркость, с надуманной сложностью, убивающей прекрасную простоту, с ходульной эффектностью, уродующей величие. Можно по-разному понимать, что такое красота. Каждый может иметь на этот счет свое особое мнение. Но о том, что такое правда чувства, спорить нельзя. Она очевидна и осязаема. Двух правд чувства не бывает. Единственно правильным путем к красоте я поэтому признаю для себя правду».

В этих словах Шаляпин выразил тот закон реалистического творчества, который с полной ясностью был провозглашен и воплощен в жизнь Щепкиным как основной закон русского искусства.

Вывода русского актера на путь сердечной правды, мудрой простоты, глубокой жизненности, высокой идейности, Щепкин утверждал:

«Да, еще раз скажу, что русскому народу судьба предоставила довести это искусство до возможного совершенства, у нас нет старой колен, в которой все они (актеры Западной Европы. — С. Д.) тонут».

Малому театру, осуществлявшему щепкинский идеал театра правды и простоты, в лице его лучших представителей — от самого Щепкина до Садовской — выпала на долю великая задача — помочь певцам оперы вывести оперное искусство из «старой колен» условности и эффектной лжи на новую, прямую дорогу художественной правды, и он решил эту задачу блестяще.

Советский оперный театр, во главе с лучшим и старейшим из них Большим театром, является самым художественным, самым правдивым из всех мировых оперных театров.

Имена его лучших певцов это в то же время — имена замечательных актеров. Драматическое творчество, актерское мастерство таких артистов Большого театра, как Нежданова, Хохлов, Собинов, Шаляпин, В. Петров в прошлом, как плеяды ведущих его мастеров в настоящем, — равноценно их вокальному мастерству, их искусству пения. Это — единое искусство художника-реалиста.

Только такому искусству, в котором, по выражению Щепкина, «поет сердце», правдиво переживающее тихую окорь Татьяны и жизнерадостную нежность Оксаны, муки совести царя Бориса и патристическое мужество Сусанина, — только такому искусству, правдивому в красоте и прекрасному в правде, доступны высшие достижения музыкального творчества — эпос Глинки, народная драма Мусоргского, лирика Чайковского, сказка Римского-Корсакова.

В советскую эпоху оба старейшие театра — Большой и Малый, связанные вековой дружбой, стали по общности своих идейных устремлений, по верности реалистическому методу, по высоте художественных достижений единым театром мужественной правды, высокой человечности и горячей любви к социалистической Родине.